

А.Ю.Большова

Кубанский государственный университет,

г. Краснодар, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СИМВОЛ: В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Проблема интерпретации художественного текста рассматривается на пересечении двух векторов – интенции текста как символа, обладающего способностью генерировать смыслы, и деятельностного начала личности интерпретатора, сознание которого постоянно совершает работу по выявлению новых смыслов с учетом оценок, мнений, взглядов субъекта интерпретации.

Ключевые слова: смысл, символ, интерпретация, интенция текста, субъект интерпретации.

The problem of interpretation of a fictional text is studied with the help of two vectors – symbolic intention of the text that can generate the meanings and the active start of the interpretative person, whose mind restlessly works under detection of the new meanings due to estimation, opinions, views of the subject of interpretation.

Key words: meaning, symbol, interpretation, fictional text, intention of the text, subject of interpretation.

Смысл как научное понятие, не совпадающее с понятием значения, исторически восходит к проблеме понимания текстов в рамках герменевтической традиции. Обращение к истолкованию скрытых смыслов обусловлено осознанием того, что многое из продуктов вербальной деятельности не поддается простому и прямому пониманию. Интенция текста, анализируемая в рамках экзегезы, приводит к теории знака и значения, порождая герменевтическую проблематику постановкой вопроса об интерпретации.

Проблема интерпретации художественного текста непосредственно связана с его знаковой сущностью как символа, поскольку его предметное значение обнаруживается только бесконечной интерпретацией самого знака. Знак-символ является не только средством для указания на предмет, но также и источником смысла. Осмысление символа в гуманитарном знании связано с его принципиальной многозначностью. В отличие от понятия, для которого однозначность является преимуществом, сила символа в его многозначности и динамике перехода от смысла к смыслу. В целом художественный символ может быть определен как «перцептивный образ, характеризующийся смысловой глубиной, обозначающий идею, которая обладает высокой ценностью, генерирующий новые смыслы, допускающий множественное истолкование, отсылающий к сверхчувственному опыту» [3, с. 72].

Поскольку, согласно теории Ч. Пирса, символ связан с объектом в силу ассоциации идей между знаком и объектом, примерами знаков-символов являются правила интерпретации. Поль Рикёр, отмечая соотносительность понятий символа и интерпретации, говорит о двойном ограничении семантического поля – со стороны символа и со стороны интерпретации: «интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов» [7, с. 44]. Поскольку форма

знака принципиально отличается от обозначаемого объекта, можно говорить о непрямом выражении информации у символа. Поэтому интерпретация – «это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении» [7, с. 44].

Акциональный (деятельностный) аспект исследования в лингвистике направлен на выявление отношений между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, для характеристики которого необходимо обращение к субъекту интерпретации: символ «служит» своему денотату (предмету), требуя не только переживания, но также проникновения и толкования. Деятельность субъекта направлена на выявление смысла произведения. Субъектный подход к изучению интерпретации и ее функций основывается на том, что субъект постоянно самоопределяется в своих отношениях с миром, а его сознание постоянно совершает «работу» по выявлению новых смыслов. В связи с этим «общение, основное назначение которого состоит в поиске и выражении смыслов как перцептивных образов, допускающих множественное истолкование и отсылающих к базовым ценностям культуры, можно определить как символический дискурс» [3, с. 72].

Лингвопрагматический подход позволяет, на наш взгляд, в поисках смысла текста выйти за его пределы, что неоднократно происходило в истории герменевтической мысли. Основатель современной философской герменевтики Ф.Шлейермахер сделал вывод о необходимости принятия двусторонней позиции при истолковании текста: из понимания речи как извлеченной из языка и как психологического факта в мыслящем субъекте. Таким образом, грамматическая диспозиция определяет понимание текста исходя из «духа языка», психологическая диспозиция определяет понимание текста исходя из «души говорящего» [8]. При этом принцип герменевтического круга в понимании текста, движение по которому носит бесконечный характер, предполагает с каждым циклом постоянное углубление и расширение понимания, которое никогда не станет полным и окончательным.

В. Дильтей, второй по значению разработчик современной герменевтики, в интерпретации текста видит способ научного познания отдельной личности, описании мира, в котором живет эта личность, раскрытия смысла и целей ее существования. В основу обновления гуманитарного знания В. Дильтеем положен принцип описательной психологии, предполагающий противопоставление объяснения и понимания как центральное методологическое понятие: психология имеет дело с сознанием, которое нужно описать; душевную жизнь мы постигаем, т.е. уясняем ее смысл, поэтому необходимо отказаться от объяснения в естественнонаучном смысле, в смысле поиска причин [2]. Индивидуальное сознание достигает объективного понимания с помощью системы знаков, являющихся посредниками между извне чувственно данным и индивидуальным сознанием. Именно эти знаки служат объектом истолкования и интерпретации.

Таким образом, у классиков герменевтической мысли глубина проникновения в проблему понимания достигалась за счет более тщательного рассмотрения субъективного фактора, личности, как инициатора высказывания (текста), так и его интерпретатора.

С другой стороны, рассмотрение текста как «сложного устройства, хранящего многообразные коды, способного трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационного генератора, обладающего чертами интеллектуальной личности» [4, с. 162] позволяет в определенном смысле расценивать интенцию текста как «свернутую мнемоническую программу» (термин Ю.М. Лотмана): «Способность отдельных текстов, доходящих до нас из глубины темного культурного прошлого, реконструировать целые пласты культуры, восстанавливать память, наглядно демонстрируется всей историей культуры человечества. Не только метафорически можно было бы сопоставить тексты с семенами растений, способными хранить и воспроизводить память о предшествующих структурах. В этом смысле тексты тяготеют к символизации и превращаются в целостные символы» [5, с. 146]. И поскольку «специфика гуманитарного знания состоит в том, что не существует внечеловеческого способа фиксации и распределения значимой для человека информации» [3, с. 6], в современной науке текст интерпретируется как «концентрированная действительность», как «действительность, ориентированная на то, чтобы ее понимали» [1, с. 117]: «именно с того момента, когда нам становится известно, что это – текст, когда мы понимаем или пытаемся понять его смысл, мы сразу выходим за пределы непосредственно данного нам в чувственном восприятии» [там же].

Уникальность художественного текста как символа заключается в том, что «с одной стороны, он сохраняет важнейшее качество объективно реального: материальный носитель содержания, данный нам в чувственном восприятии, не зависит от нашей воли или сознания. С другой стороны, текст совмещает неизменяемость материального носителя смысла с изменением самого этого смысла в процессе понимания, в процессе деятельности» [1, с. 117].

Исследование языкового сознания учитывает соотнесенность смысла с информационным уровнем, что позволяет говорить о смысле как мотивационной стороне назначения человека. Смысл «как нечто образующее, как трассированная в будущее семантическая линия, как неотъемлемый признак направленности движения, обращающий его в процесс, порождающий самоподдерживающиеся системы» [1, с. 123] рассмотрен в современной герменевтике как направление, что находит отражение в понятии энтелихии – целеустремленности, целенаправленности как движущей силе, в активном начале, превращающем возможность в действительность: «Смысл – это то, что сужает коридор возможностей, ограничивает их число, одним словом, смысл есть то, что создает переход от настоящего к будущему (или от прошлого к настоящему)» [1, с. 123]. При этом «смысл, существующий в сознании и воплощенный в деятельности, вторичен. Смысл, существующий как потенциал развития, – первичен. Возможность первична, действительность вторична, ведь развитие есть не что иное, как реализация возможностей. Действительность – всегда лишь часть того, чем она могла быть» [1, с. 128].

С пониманием художественного текста может быть соотнесен трансперсональный подход к проблеме смысла, представленный В.В.Налимовым, который утверждает, что человек существует лишь в той мере, в какой он погружен в мир смыслов. Смыслы существуют изначально, они организуются в тексты. Природа смыслов может быть схвачена

только через их проявление в Бытии, содержащем сознание. Сознание предстает перед нами как некоторое устройство, непрестанно и по-новому раскрывающее смыслы [6]. Сущность раскрытия смыслов состоит, по В.В. Налимову, в наложении на универсальный всеобщий континуум смыслов определенных фильтров, которые проявляют те или иные смыслы с той или иной вероятностной мерой. Таким фильтром является и личность, которая выступает как генератор и преобразователь смыслов. Она открыта миру и способна преобразовать его своими действиями, порождаемыми новыми смыслами [там же].

Известно, что создание художественного произведения знаменует качественно новый этап в усложнении структуры текста, способного особым образом конденсировать информацию [4, с. 160]. Однако художественные смыслы, как и смыслы вообще, ситуативны и лично-маркированы. Только интеллектуальное преобразование смысла субъектом интерпретации, реализующим свободу мышления и творчества, способно придать высокоорганизованному тексту высокую степень автономности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. Учебное пособие. М.: «Лабиринт», 1998. 366с.
2. *Дильтей В.* Описательная психология. СПб.: «Алетейя», 1996. 160 с.
3. *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 422 с.
4. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М. Лотман. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство – СПб», 2002. 768 с.
5. *Лотман Ю.М.* Текст и полиглотизм культуры/ Ю.М. Лотман. Избранные статьи. В 3-х тт. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, «Александра, 1992. 480 с.
6. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 287 с.
7. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. 624 с.
8. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. Пер. с нем. А.Л. Вольского. СПб.: «Европейский дом», 2004. 242 с.